

Фу Юйчжэнь шёл следом за отцом, шаг за шагом приближаясь к величественным дверям главного особняка семьи Фу.

Казалось бы, воспоминания двухлетнего ребёнка должны были давно стереться из памяти, но тот день, когда его вместе с матерью с позором выставили за ворота, он не мог забыть до сих пор.

Повзрослев и начав хоть немного понимать, как устроен этот мир, Юйчжэнь дал себе негласную клятву: во что бы то ни стало стать лучшим из лучших. Стать тем, кем семья Фу будет гордиться, горько раскаявшись в былой жестокости.

Однако годы шли, и вот минуло больше десяти лет, а он так и остался самым заурядным человеком. Всё, что он имел сегодня, досталось ему лишь благодаря положению отца. В то же время его двоюродный брат, Фу Янь, без особых усилий взойшёл на ту вершину, о которой Юйчжэнь когда-то мог только мечтать.

Да что там говорить — он уступал даже Цзян Мэйшэну. Тот хотя бы сумел добиться подлинного мастерства в своём деле, а он сам? На что был способен он?

Вспомнив, с каким пренебрежением он когда-то относился к Цзян Мэйшэну, Юйчжэнь горько и глупо усмехнулся собственной спеси.

В просторной гостиной главного особняка они с отцом просидели совсем недолго — вскоре к ним спустился старейшина Фу Сыжэнь. Преклонный возраст брал своё, и его походка утратила былую твёрдость, став слегка шаткой, однако глубокие резкие морщины у переносья по-прежнему выдавали характер человека, привыкшего казнить и миловать без колебаний. Долгое время он оставался непререкаемым вожаком прайда, пока молодой лев не окреп и шаг за шагом не оттеснил его от власти.

Фу Сыжэнь неспешно опустился в кресло во главе стола и завёл с гостями ленивый, ни к чему не обязывающий разговор. Спросил Юйчжэня об учёбе, поинтересовался планами на стажировку за границей и будущей карьерой.

Вскоре старейшина увёл отца Юйчжэня в кабинет для приватной беседы. Предоставленный самому себе, молодой человек решил немного прогуляться по усадьбе.

Сзади к главному зданию примыкал небольшой обособленный дворик. Пышная зелень и аккуратные кустарники создавали здесь атмосферу умиротворения и покоя. В самом углу куст белоснежной гардении перекинул свои ветви через кирпичную кладку, наполняя сладким ароматом всё вокруг.

Юйчжэнь залюбовался контрастом нежных белых лепестков и тёмно-зелёной листвы. Из любопытства он повернулся к сопровождавшему его слуге:

— Чей это двор?

— Младшего господина Фу, — учтиво ответил тот.

Юйчжэнь кивнул. В поместье Фу старейшину Фу Сыжэня величали старшим господином Фу, тогда как Фу Яня звали младшим. Такое обращение наглядно демонстрировало, какой вес имел его двоюродный брат в этой семье.

— Не думал, что у брата находится время для садоводства.

— За цветами и деревьями в этом саду всегда ухаживал господин Цзян.

— Господин Цзян?

Слуга, сообразив, что сболтнул лишнего, мгновенно осёкся и поспешил перевести разговор на другую тему. Однако загадочный «господин Цзян» прочно засел у Юйчжэня в мыслях.

Пройдясь по дорожкам, Юйчжэнь присел на каменную скамью в саду и попросил слугу принести ему восковницы со льдом. Как только тот скрылся за поворотом, Юйчжэнь вернулся к уединённому дворику. Убедившись, что поблизости никого нет, он ловко перемахнул через невысокую ограду.

Место выглядело заброшенным. Было очевидно, что здесь уже давно никто не жил — по всей видимости, двоюродный брат не жаловал этот тихий уголок. Лишь пышная гардения у стены по-прежнему благоухала, вопреки царящему вокруг запустению. Под раскидистой виноградной перголой сиротливо примостилась бамбуковая кушетка и старый мольберт, а в углу валялись засохшие тюбики с краской и палитра, покрывшаяся от дождей и солнца зеленоватым мхом.

Все двери были закрыты. Юйчжэнь заглянул в окна, но разглядеть что-то внутри в полумраке комнат оказалось почти невозможно. Обстановка выглядела нежилой — похоже, брат действительно бывал здесь лишь наездами во время праздников.

Внезапно в голову Юйчжэню пришла одна мысль. Он достал телефон и попытался найти хоть какие-то зацепки в сети. Однако семья Фу тщательно оберегала личную жизнь своих наследников от посторонних глаз: даже пролистав с десятков страниц поисковика, он не обнаружил ни единого упоминания о союзе Фу Яня и загадочного господина Цзяна.

Снаружи слышались шаги и негромкий зов слуги. Юйчжэнь приоткрыл калитку и негромко отозвался:

— Я здесь.

Увидев, откуда выходит гость, слуга побледнел от испуга:

— Господин Юйчжэнь! Как же вы там оказались? Зачем зашли без спроса?

— Да просто решил осмотреться, — небрежно бросил тот, подходя ближе. — Все двери заперты под замок, не думаешь же ты, что я собирался что-то украсть?

— Что вы, я вовсе не об этом... — залепетал слуга, испуганно оглядываясь по сторонам. — Просто в этом флигеле раньше жили младший господин Фу и господин Цзян. После их развода младший господин велел запереть все двери наглухо и строго-настрого запретил кому бы то ни было сюда входить.

При слове «развод» Юйчжэнь удивлённо приподнял брови и как бы невзначай спросил:

— Развод? Они ведь поженились всего года три назад, верно? Почему так быстро разошлись? И как звали этого господина Цзяна? Кажется, Цзян... Цзян...

— Цзян Мэйшэн, — подсказал слуга.

В ту же секунду в голове у Юйчжэня словно разорвался снаряд. Земля ушла у него из-под ног, в ушах нестерпимо зазвенело, а перед глазами всё поплыло в безумном хороводе.

Ему потребовалось немало усилий, чтобы заставить себя дышать ровно. Слуга, не замечая его состояния, продолжал тихо шептать:

—... Сперва-то всё ладно было, жили душа в душу. Да только стоило молодому барину из семьи Се воротиться из-за границы, как младший господин тут же подал на развод с господином Цзяном. Эх, да разве наше это дело — господские тайны обсуждать...

Юйчжэнь не проронил больше ни слова. Словно в тумане он вернулся в гостиную и опустился на диван.

Перед ним на столе уже стояла изящная пиала из белого фарфора. В ней среди колотого льда лежали тёмно-пурпурные, почти чёрные ягоды восковницы, окутанные едва заметной прохладной дымкой. Юйчжэнь безучастно смотрел на это угощение, чувствуя, как к горлу подступает тошнотворный ком, а лицо заливают мертвенная бледность.

Вдруг он порывисто схватил слугу за руку:

— Скажи... я сильно похож на своего двоюродного брата?

Тот опешил, но затем мягко улыбнулся, присматриваясь к нему:

— Ну, разве что разрезом глаз, процента на два-тридцать. Младший господин как раз должен приехать к обеду, сами всё увидите.

Конечно, слуга предпочёл умолчать о главном: Фу Янь обладал безупречной, классической мужской красотой с резкими, волевыми чертами лица, в то время как Юйчжэнь пошёл в мать — его черты были слишком мягкими, почти женственными.

Юйчжэнь медленно разжал пальцы и откинулся на спинку дивана.

Кажется, он до сих пор не имел ни малейшего представления о том, что на самом деле творилось в душе у этого несносного Цзян Мэйшэна.

Ближе к назначенному часу во дворе зашуршали шины подъезжающего автомобиля.

Слуги тут же засуетились, поспешив на крыльцо. Из коридора донёсся чей-то торопливый шёпот:

— Скорее доложите старому господину, что младший господин приехал!

Юйчжэнь не удержался и подошёл к дверям гостиной. Выглядывая из-за плеч прислуги, он увидел, как к главному входу в сопровождении какого-то юноши приближается его двоюродный брат.

Вглядевшись в его лицо, Юйчжэнь окончательно убедился, что они с Фу Янем ни капли не похожи. У брата была благородная, почти фарфоровая бледность кожи, резкие, пугающе идеальные черты лица, а строгий классический костюм сидел на нём как влитой — воротничок рубашки был застёгнут на все пуговицы. Этот собранный, холодный и властный человек не имел ничего общего с мягким обликом самого Юйчжэня.

В голове Юйчжэня воцарился полный сумбур.

«Получается, Цзян Мэйшэн приблизил его к себе вовсе не потому, что искал в нём черты бывшего мужа?»

Он давно раскусил, что за наигранной заботой Мэйшэна скрывалось абсолютное, ледяное равнодушие. Это открытие ранило его, злило и заставляло обиженно стискивать зубы, но в последние дни, стоило ему закрыть глаза, он видел только лицо этого несносного мальчишки. Глупо отрицать очевидное: Цзян Мэйшэн глубоко пустил корни в его душе. И как же жалко теперь выглядели его собственные иллюзии о том, будто именно он ведёт в этой игре!

Пока он предавался невесёлым мыслям, Фу Янь уже поднялся на крыльцо. Юйчжэнь выдавил из себя вежливое приветствие:

— Брат Фу Янь.

Тот тепло улыбнулся в ответ:

— Надо же, Юйчжэнь, как ты вырос. На каком курсе сейчас учишься?

Юйчжэнь растерялся. Изгнанный из этой семьи в двухлетнем возрасте, он никогда больше не переступал порог родового гнезда и ни разу в жизни не встречался со своим знаменитым кузеном. И то, что Фу Янь без труда узнал его и заговорил с ним так просто, заставило его смутиться:

— На третьем.

Вся компания неспешно прошла в гостиную. Спутник Фу Яня скромно присел на диван по правую руку от него. Юйчжэнь принялся украдкой разглядывать гостя и внезапно поймал себя на мысли, что этот парень процентов на пятьдесят похож на Цзян Мэйшэна!

И всё же — как бы ни было горько это признавать — Юйчжэнь мысленно отметил, что его жестокосердный мучитель Мэйшэн в сто крат привлекательнее этого юноши. Спутник брата держался подчёркнуто прямо, его осанка была безупречной, но в каждом движении сквозила такая напряжённость, словно он находился на вражеской территории. Эта зажатость лишала его благородства, делая облик простоватым и даже провинциальным.

Брат представил его как Се Юя. Юйчжэнь тут же смекнул: раз Фу Янь привёл его в родовой особняк, значит, намерен официально представить семье. Похоже, едва успев расторгнуть прежний брак, кузен уже вовсю готовился к новой свадьбе.

Между тем кузены вели неторопливый разговор. Фу Янь с вежливым интересом поинтересовался:

— Ты сегодня один приехал?

— С отцом, — ответил Юйчжэнь.

— А почему матушка не с вами? Раз уж у нас сегодня семейный обед, ей тоже следовало приехать.

Юйчжэнь почувствовал, как к горлу подкатывает неловкость. Его мать выставили отсюда с позором, и за последние тринадцать лет она ни разу не приближалась к поместью Фу. Неужели

двоюродный брат решил так тонко поиздеваться над ним?

Однако Фу Янь, казалось, говорил совершенно искренне. Зная, что семья дяди обосновалась в районе Хуайшуй, он тут же подозвал слугу и велел отправить туда машину. Юйчжэнь не понимал, какую игру ведёт кузен, и не находил себе места от тревоги: а вдруг маму привезут, а старик Сыжэнь с позором выставит её за ворота? Но изменить что-либо он был не в силах — его мнения здесь никто не спрашивал.

Заметив его волнение, Фу Янь ободряюще коснулся его плеча:

— Всё в порядке, не переживай.

Слуги принесли вазы со свежими фруктами: восковницу со льдом, сочные личи, спелые мангостины, тёмный и зелёный виноград, нежные семена лотоса. Разговаривая с Юйчжэнем, Фу Янь машинально пододвинул пиалу с ледяными ягодами восковницы своему спутнику.

Юйчжэнь вновь скользнул взглядом по Се Юю.

Юноша заметно смутился и тихо, едва слышно прошептал:

— Я ведь с самого детства не ем восковницу... Неужели ты забыл?

Фу Янь на мгновение замер, но тут же вернул лицу бесстрастное выражение:

— Ах да. Перепутал.

Примерно через полчаса двери кабинета отворились, и в гостиную вышли старейшина Фу Сыжэнь и Фу Минчжан. Слуги поспешили накрывать на стол. Когда Фу Янь подвёл своего спутника, чтобы поприветствовать деда, старик Сыжэнь при виде Се Юя недовольно нахмурился, и его лицо потемнело от гнева.

Не успел патриарх высказать своё недовольство, как во двор въехал ещё один автомобиль. Сквозь резные рамы окон столовой было видно, как из салона нерешительно выходит мать Юйчжэня, растерянно оглядываясь по сторонам.

Отец Юйчжэня замер от неожиданности и тут же поспешил ей навстречу. Фу Сыжэнь гневно стукнул тростью о пол:

— Кто позволил?!

Фу Янь спокойно пресёк его гнев:

— Это я распорядился привезти тётушку. Раз уж мы собрались за семейным столом, вся семья должна быть в сборе. Мои родители сейчас на отдыхе за границей, но все, кто остался в стране, обязаны присутствовать.

Вне себя от ярости, старик Сыжэнь, не обращая внимания на присутствие Юйчжэня и его отца, набросился на внука:

— Ты забываешься! Неужели ты думаешь, что в этот дом может войти любой встречный?!

Лицо отца Юйчжэня при этих словах исказилось от обиды.

Фу Янь лишь холодно усмехнулся:

— Неужели порог дома Фу стал настолько священным? Со стороны послушать, так у нас тут не купеческое гнездо, а императорский дворец. Дедушка, на дворе другой век. Пора бы уже оставить эти замшелые предрассудки в прошлом.

Юйчжэнь стоял чуть поодаль, чувствуя, как воздух вокруг буквально искрит от напряжения. Противостояние между дедом и внуком явно достигло критической точки. В душе у него бушевал ураган эмоций: он злился на кузена за то, что тот использовал его мать как пешку в своей игре, и одновременно ненавидел собственное бессилие, из-за которого не мог защитить её достоинство.

Старика Сыжэня от злости затрясло:

— Я знаю, к чему всё это! Ты просто мстишь мне за то, что я заставил тебя развестись с этим паршивцем Цзян Мэйшэном!

Сердце Юйчжэня пропустило удар. Он украдкой взглянул на Се Юя — тот заметно вздрогнул, а его взгляд, устремлённый на Фу Яня, наполнился обидой и горечью.

Лицо Фу Яня мгновенно окаменело. В его глазах на долю секунды вспыхнула ярость, которую он, впрочем, тут же подавил. Повернувшись к вошедшим в столовую родителям Юйчжэня, он сухо произнёс:

— Дедушка, все в сборе. Давайте обедать.

Этот обед превратился для Юйчжэня в настоящую пытку. В его голове роились сотни вопросов, и все они крутились вокруг Цзян Мэйшэна. Кое-как закончив трапезу, они засобирались домой. Уже у самых дверей до них долетел яростный крик старейшины Сыжэня, распекавшего внука:

— Я никогда не благословлю твой брак с этим Се Юем! Сын прислуги возомнил себя равным

нам?! Жалкий выскочка!

Юйчжэнь лишь мысленно рассмеялся этой нелепости.

«Неужели порог этого дома действительно так свят?»

Едва они сели в машину, отец Юйчжэня с тихим упрёком обратился к жене:

— Ну зачем ты поехала туда?

Мать растерянно захлопала ресницами:

— Так водитель сказал, что это ты за мной прислал...

Отец тяжело, со свистом вздохнул и покачал головой:

— Да, Фу Янь далеко пойдёт. Старик вытащил меня из небытия, рассчитывая сделать противовесом для собственного внука. А этот парень сегодня одним ударом обострил наши отношения с дедом до предела. Какая тонкая игра.

Только после слов отца Юйчжэнь осознал истинный мотив кузена. Оскорбления, которые старик Сыжэнь выплюнул им в лицо, глубоко ранили и его, и отца. Даже если они промолчат, былая обида вспыхнет с новой силой. Становилось ясно, почему машина приехала так быстро: Фу Янь отправил её за матерью задолго до того, как завёл тот якобы праздный разговор в гостиную.

Немного помолчав, Юйчжэнь спросил:

— Папа, а как дедушка причастен к разводу брата?

— Бывший муж Фу Яня попал в какую-то скверную историю, в сети поднялся жуткий скандал, — неохотно пояснил отец. — Старик посчитал, что этот парень запятнал честное имя семьи Фу.

— И дед заставил их разойтись?

— Не совсем заставил. Тот парень сам спал и видел, как бы поскорее получить развод.

В какую же историю умудрился вляпаться Цзян Мэйшэн? Юйчжэнь тайком достал телефон и попытался вбить запрос в поисковик, но все упоминания были тщательно вычищены службой безопасности Фу. Чтобы докопаться до истины, требовалось нанять знающих людей, причём сделать это максимально незаметно, дабы не привлечь внимание бдительных ищек семьи Фу.

Стрелки часов приближались к двум часам дня, когда Фу Янь и Се Юй наконец покинули усадьбу.

Оказавшись в салоне автомобиля, Се Юй промокнул выступивший на лбу пот и с нескрываемой неприязнью посмотрел на удаляющиеся ворота особняка Фу. Сегодня он впервые переступил этот порог. Если их брак с Фу Янем состоится, ему придётся бывать здесь гораздо чаще.

Но женится ли на нём Фу Янь? Се Юй не был в этом уверен.

Сегодняшний визит больше походил на показательное выступление, устроенное кузеном, чтобы в очередной раз уязвить спесь деда.

Они с Фу Янем знали друг друга с самого детства и рано поняли, что их связывает нечто большее, чем дружба. Однако Се Юй был всего лишь сыном дворецкого Гуань Хэ. Старик Сыжэнь с его сословным снобизмом и слышать не желал о подобной партии для своего внука. В итоге юношу отослали прочь, и долгие восемь лет он провёл на чужбине, а вернувшись, обнаружил, что его возлюбленный связан узами брака с Цзян Мэйшэном.

Семья Мэйшэна принадлежала к творческой интеллигенции: отец был художником, мать — балериной, что худо-бедно устроило старого главу клана. Но стоило парню оступиться и навлечь на семью позор, как дед тут же вышвырнул его из жизни внука.

И ведь именно Се Юй послужил катализатором той давней истории. Когда разразился скандал, он не раз порывался во всём признаться Мэйшэну, но так и не нашёл в себе смелости. Перед этим человеком он навсегда останется должником, не смеющим поднять глаз.

Три года супружеской жизни невозможно перечеркнуть в один миг. Се Юй прекрасно видел, что Фу Янь так и не сумел до конца освободиться от призраков прошлого. Он то и дело погружался в задумчивость, а порой смотрел на Се Юя так, словно видел перед собой совершенно другого человека.

И хотя Фу Янь без устали твердил, что его сердце принадлежит только ему, чуткий Се Юй улавливал эти мимолётные приступы отчуждения.

В его душе закипала глухая, болезненная ревность.

«Я не должен ревновать, — твердил он себе. — Ведь я уже победил. Моя гордость не позволит мне завидовать проигравшему».

И счёт шёл на секунды, когда при одной лишь мысли о Цзян Мэйшэне его сердце словно пронзали сотни мелких игл.

— То, что сказал твой дедушка... это правда? — тихо спросил Се Юй, нарушая молчание.

— Ты о чём? — отозвался Фу Янь.

— Он сказал, что ты ненавидишь его за то, что он вынудил Цзян Мэйшэна согласиться на развод.

Брат промолчал, и на его лице проступило явное раздражение.

Но Се Юй упрямо требовал ответа:

— Ну же, скажи мне.

— Нет, конечно, — устало выдохнул Фу Янь, мельком взглянув на него. — Старый лис просто пытается поссорить нас, не поддавайся на его уловки. Я ведь уже тысячу раз говорил: Цзян Мэйшэн был всего лишь блёклой тенью, суррогатом, который помогал мне заглушить тоску по тебе. Как ты вообще можешь их сравнивать?

Эти слова принесли Се Юю временное облегчение.

Цзян Мэйшэн честно пролоботрясничал целую неделю. Он пересмотрел все накопившиеся сериалы и новые аниме-релизы, пока наконец не завыл от скуки. Пнув самого себя под зад, он уселся за рабочий стол и принялся набрасывать карточки персонажей для новой книги.

Работа над новым проектом всегда напоминала медовый месяц: ты с упоением прорабатываешь каждую деталь, засыпаешь и просыпаешься с мыслями о сюжете, задыхаясь от восторга. Но стоит этой фазе угаснуть, как текст начинает казаться пресным, а к середине истории и вовсе превращается в унылую рутину, напоминающую брак уставших супругов со стажем. Чтобы не выдохнуться ближе к финалу и не выдавливать из себя по три тысячи знаков в день, словно остатки пасты из тюбика, Мэйшэн твёрдо решил на этот раз составить подробнейший план.

В процессе работы он то и дело спотыкался о специфику научных исследований. Покрутив в руках ручку, он призадумался: не обратиться ли за помощью к Линь Юйбаю?

Они добавили друг друга в контакты в приложении «Дондон» около полумесяца назад, но за всё это время доктор Линь лишь изредка публиковал у себя на стене узкоспециализированные статьи. Мэйшэн в них ничего не смыслил, а потому лишь из вежливости оставлял дежурные лайки.

Иногда Линь Юйбай тоже лениво отмечал публикации Мэйшэна, отчего у того крепло подозрение, что радушный и приветливый учёный из лаборатории ему просто померещился.

Светило науки держался весьма отстранённо. Мэйшэну было неловко навязываться и писать напрямую, поэтому он пошёл на хитрость: опубликовал пост с жалобой на то, как тяжело писать про научную сферу, не имея о ней ни малейшего представления, и настроил видимость

записи лично для Линь Юйбая.

Около восьми часов вечера на телефон пришло уведомление. Линь Юйбай спрашивал, нужна ли ему консультация по сюжету.

Мэйшэн тут же, взяв телефон, выложил все свои творческие муки.

Учёный ответил лаконично:

— Я освобожусь к половине одиннадцатого вечера. Тебе удобно будет созвониться в это время? Проще обсудить всё голосом.

Вопросы и впрямь были слишком громоздкими для переписки, и Мэйшэн с радостью согласился, отправив свой номер. Чтобы ничего не упустить из объяснений специалиста, он заранее включил функцию автоматической записи звонков.

В десятом часу он сбегал к воротам кампуса, встретил сестру Цзян Юйшэн с занятий, наскоро принял душ и затаился в спальне в ожидании звонка. Ровно в назначенное время телефон завибрировал. Из динамика раздался глубокий, бархатистый голос доктора Линя, в котором сквозила лёгкая хрипотца от усталости.

Осознав, насколько плотный у его собеседника график, Мэйшэн смутился:

— Юйбай, я тебя не сильно отвлекаю от отдыха?

Тот негромко рассмеялся:

— Вовсе нет. Твои истории замечательные, и для меня большая честь приложить руку к созданию новой книги.

У Мэйшэна предательски вспыхнули уши:

— Ты... читал мои романы?

— Ну конечно. Листал во время обеденных перерывов. Я даже отметил у тебя в комментариях.

— Ох, я туда почти никогда не заглядываю, так что не заметил...

— Вот оно что, — в голосе Юйбая послышался вздох облегчения, сменившийся тихим смешком.
— А я уж подумал... Впрочем, неважно. Рассказывай, что за трудности у тебя возникли. Если

сам не смогу объяснить, поспрашиваю у коллег.

Но доктор Линь оказался ходячей энциклопедией. Его глубоких познаний с лихвой хватило бы на десяток романов. Уютно устроившись под шёлковым одеялом в прохладной, кондиционированной спальне, Мэйшэн увлечённо слушал объяснения больше получаса, пока незаметно для самого себя не провалился в глубокий, безмятежный сон прямо посреди разговора.

Проснувшись на следующее утро в начале девятого, Мэйшэн первым делом взглянул на экран блокировки и обнаружил, что их вызов завершился лишь в одиннадцатом часу вечера.

Кое-как протерев глаза, он умылся, наспех перекусил и уселся за компьютер расшифровывать вчерашнюю запись. Стуча пальцами по клавишам, он то и дело ловил себя на восхищении: Линь Юйбай потрясающий. Такой молодой, а знает буквально всё обо всём. И откуда берутся подобные самородки? Видимо, пропасть между обычными людьми и гениями действительно непреодолима.

Ближе к концу аудиозаписи его собственный голос становился всё тише и бессвязнее, пока окончательно не превратился в сонное бормотание.

Мэйшэн со стоном прижал ладони к лицу.

«Как теперь людям в глаза смотреть? Он ведь весь день трудился, посреди ночи вызвался разложить мне всё по полочкам, а я просто заснул!»

Из динамика донеслось его собственное размеренное сопение. Он явно дрых без задних ног.

Послышался негромкий, удивлённый вздох доктора Линя:

— Мэйшэн? Ты уснул?

Затем повисла долгая, секунд в двадцать, тишина, сквозь которую прорвался тихий, невероятно нежный шёпот:

— Спи, братец. Доброй ночи.

Так, стоп!

Это ещё что за новости?!

С какого перепугу грозный гений из лаборатории называет его «братцем», да ещё таким

вкрадчивым, чарующим голосом, от которого мурашки бегут по коже?!

Щёки Мэйшэна мгновенно вспыхнули пунцовым румянцем. Словно под гипнозом, он перемотал дорожку на двадцать секунд назад, и интимный шёпот Линь Юйбая повторился: «Спи, братец. Доброй ночи».

О боже...

Пальцы Мэйшэна зажали собственной жизнью. Он открыл вкладку браузера и лихорадочно вбил в поисковую строку: «Что значит, если парень называет другого парня братцем».

И благополучно похоронил всё утро, зачитываясь сомнительными советами на форумах психологии отношений.

Ровно в полдень раздался звонок в дверь — на обед пожаловал Цюй Чжи. В последние дни тот взял за правило являться к нему как штык дважды в день, из-за чего Мэйшэн заметно округлился и приобрёл здоровый, цветущий вид. Но сегодняшний визит стал неожиданностью: ещё вчера Цюй Чжи обмолвился, что приглашён на торжественное открытие студии господина Хэ Цингуана.

Неужели его там даже обедом не накормили?

Мэйшэн поспешил на кухню и попросил приходящую кухарку приготовить ещё одно блюдо.

Цюй Чжи устроился в гостиной и ласково взглянул на хозяина дома:

— Чем завтракал с утра? Если проголодался, не нужно усложнять и ждать кухарку, давай сразу садиться за стол.

Мэйшэн и впрямь чувствовал, что в животе урчит.

— Тогда давай обедать. С утра только овсянкой перекусил, так что аппетит зверский.

Они перешли в столовую и принялись за еду. Повисла уютная тишина, которую Цюй Чжи вдруг нарушил самым непринуждённым тоном:

— Слушай, а давай ты переедешь ко мне? Тогда я смогу разделять с тобой не только обеды, но и завтраки.